

Войдя в дом, Чи Шэнь с удивлением обнаружил, что внутри лачуга вовсе не тесна. Пространство было разделено на три комнаты, обставленные простой, но добротной мебелью. Было видно, что бамбук и дерево обработаны недавно; стиль оставался бесхитростным, но в каждой линии чувствовалась рука мастера.

Сян Тянью взял миску с кашей, поставил её на квадратный стол и, отодвинув круглую табуретку, жестом пригласил гостя садиться.

Чем больше Чи Шэнь оглядывался, тем сильнее путались его мысли. У него не было никаких сюжетных подсказок о том, как устроен этот мир. Он-то полагал, что застанет Сян Тянью в нищете и забвении — идеальный момент, чтобы проявить заботу и втереться в доверие. Но, судя по всему, тот в душе оставался истинным аристократом и жил куда достойнее, чем болтали в округе. На фоне этого аскетичного изящества принесённые гостинцы показались Чи Шэню до обидного жалкими. Каша с яйцами — ещё куда ни шло, но грубые маньтоу теперь было просто стыдно доставать.

Когда Чи Шэнь уселся, Сян Тянью заметил странный бугорок у него под рубахой. Он усмехнулся и ткнул в него пальцем, чем неслабо напугал погружённого в раздумья малыша.

— Ты что, сокровище там прячешь?

Чи Шэнь густо покраснел. Только сейчас, в спешке набивая пазуху, он не подумал, что прятать еду там — дело не самое чистое. От стыда он лишь что-то невнятно пробормотал, не в силах подобрать слов.

Сян Тянью не стал его мучить. Он сам потянулся к ребёнку, и Чи Шэнь почувствовал, как он сам мгновенно напрягся. Мальчик не знал, то ли закрываться руками, то ли бежать; ноги, не достававшие до пола, беспомощно заболтались в воздухе, но всё было тщетно. Сян Тянью легко нащупал спрятанное и выудил на свет половинку кукурузной лепешки.

Угадав мысли Чи Шэня, Сян Тянью не выказал ни брезгливости, ни пренебрежения. Он преспокойно откусил кусок и, пододвинув миску с кашей к мальчику, спросил:

— Ты ведь ещё не завтракал?

Только сейчас Чи Шэнь почувствовал, как в животе тоскливо заурчало. Но, вспомнив о цели своего визита, он упрямо кивнул — мол, сыт.

— Такой маленький, а лжёшь и не краснеешь, — Сян Тянью негромко рассмеялся. — В крестьянских семьях еды всегда в обрез, её не разбазаривают. Если бы ты уговорил родителей приготовить это специально для меня, тебе бы не пришлось пробираться сюда тайком. Я прав?

Чи Шэнь не ожидал такой пронизательности. Он уже открыл рот, чтобы оправдаться, как вдруг

почувствовал жар в районе пояса, и в голове раздался бесстрастный механический голос:

[Система активирована. Начальное подношение «Забота о хлебе насущном» принято.]

Как только звук затих, Чи Шэнь ощутил необычайную лёгкость. Усталость от долгого пути испарилась без следа. Он едва сдержал порыв коснуться черной яшмы на поясе и лишь судорожно сглотнул.

Сян Тянью, не заметив перемен, очистил яйцо и поднёс его к губам мальчика:

— Ешь. Если родители узнают, что ты голодаешь ради меня, они тебя больше за порог не выпустят.

За все двадцать лет своей прошлой жизни Чи Шэнь не припоминал, чтобы его кто-то кормил с рук. Даже Ли Цзиньхуа, при всей её любви, лишь пару раз уговаривала его выпить лекарство. Такое поведение Сян Тянью казалось Чи Шэню чрезмерно доверительным, почти интимным.

Мысль была здоровой, но тело решило иначе: он послушно открыл рот и откусил кусочек.

Где было первое яйцо, там появилось и второе. Подобные вылазки было трудно скрывать долго, и в конце концов Ли Цзиньхуа поймала сына с поличным. Однако, вопреки ожиданиям, она не стала его бранить — материнское сердце не позволило поднять руку на ребёнка. Следить за ним круглые сутки было невозможно, и в итоге она просто закрыла на это глаза, даже начала потихоньку увеличивать порции еды, молчаливо поощряя его походы.

Так пролетело шесть лет — быстро, словно стрекоза коснулась глади воды. Отношения между Чи Шэнем и Сян Тянью за это время стали по-настоящему близкими. Подношения риса и зерна стали обыденностью; стоило Чи Шэню раздобыть хоть что-то стоящее, он тут же бежал к заветной хижине.

Каждый его дар поглощался черной яшмой, которая взамен преображала его тело. К двенадцати годам Чи Шэнь забыл о болезнях и немощи. Несмотря на суровую деревенскую жизнь, он не огрубел и не почернел от солнца — его лицо по-прежнему казалось искусно выточенным из драгоценного камня.

— Ты собираешься ехать с учителем в уезд Чима? — Сян Тянью, услышав новость, нахмурился и поставил чашку на стол.

— Выезжаем через три дня.

— Почему так скоро?

Чи Шэнь невольно выпрямился. За эти годы из пухлого младенца он превратился в стройного подростка. Сян Тянью тоже изменился: из высокомерного юноши он стал сдержанным и суровым мужчиной, чья закалка в лесной глуши далеко превосходила его возраст. Его черты стали резче, взгляд — холоднее. Теперь одного его хмурого вида или того, как он опускал чашку на стол, хватало, чтобы окружающие замирали от невольного трепета.

— Вообще-то, я не должен был ехать. Но один из учеников внезапно занемог, в дальний путь ему нельзя.

— Уезд Чима... — Сян Тянью задумчиво постучал пальцами по краю стола. — Если гнать коня во весь опор, путь займет восемь-девять дней. А учитель с оравой детей будет плестись и того дольше. Выходит, мы не увидимся целый месяц.

Последние шесть лет они виделись чуть ли не каждый день, а привычка делить одну постель в долгие вечера стала для них естественной. Мысль о долгой разлуке отозвалась в сердце Чи Шэня тоскливой неохотой. Хотя он находился здесь ради «выпускного задания» в виртуальном мире, где время течёт иначе, за бесчисленные дни и ночи он привык воспринимать Сян Тянью как старшего брата, как единственную родную душу.

Порой он ловил себя на том, что начинает забывать реальный мир. В такие минуты лишь прикосновение к яшме с вырезанным иероглифом «Шэнь» помогало ему прийти в себя.

— Сам я об этой поездке не думал, — продолжил Чи Шэнь. — Но отец как раз возил товар в город и зашел в школу, где учитель ему всё и изложил. Вечером, конечно, узнала матушка.

— И услышав о поэтическом конкурсе в Чима, она не смогла отказаться, — Сян Тянью усмехнулся, вертя в руках чашку.

— Ты тоже о нем знаешь? — удивился Чи Шэнь.

— Разумеется. Конкурс фонарей и стихов в уезде Чима проводится раз в три года, он известен даже в столице. Говорят, победа на нем — верный знак того, что и на императорских экзаменах ждет триумф. Представь, сколько талантов и красавиц там соберется. Твои родители хотят, чтобы ты мир посмотрел, это понятно. Наверняка надеются, что ты привезешь первое место.

— И ты туда же... — Чи Шэнь покраснел и принялся смущенно тереть пальцы. — В науках я не силен, еду так, за компанию, поглазеть на суету.

— Быть праздным зрителем — в этом и есть истинная свобода. Говорят, все три дня праздника в Чима торговля у храма Цинфэн не затихает до поздней ночи. Сладости, диковинки — детям вроде тебя там раздолье. Даже знатные барышни в эти дни выходят в город, присматриваясь к молодым поэтам. Если встретят талантливого, но бедного юношу, могут и кошель золота на дорогу до столицы подбросить. Красивая легенда.

Чи Шэнь украдкой взглянул на Сян Тянью. У того были тонкие, красиво очерченные губы и глаза, сияющие подобно звездам. Даже когда он просто улыбался, от него невозможно было отвести взгляд. Чи Шэнь подумал, что если бы благородные девицы увидели Сян Тянью, тот собрал бы десяток таких кошельков, даже не открывая рта.

Словно подслушав его мысли, Сян Тянью небрежно бросил:

— С тех пор как я здесь оказался, я годами не покидал этих мест. Пожалуй, в этот раз я отправлюсь в Чима вместе с тобой. Составим компанию праздной толпе.

— А? — Чи Шэнь не на шутку изумился. — Ты тоже поедешь?

Он-то считал, что Сян Тянью вынужден скрываться от врагов или какой-то тайной беды, из-за чего ему нельзя показываться на людях.

Сян Тянью вопросительно посмотрел на него. Чи Шэнь поспешно добавил:

— Нет, я просто думал, что тебе неудобно... Я даже хотел сказатьсь больным, чтобы никуда не ехать.

— И тебе совсем неинтересно посмотреть на такой праздник?

Чи Шэнь улыбнулся и покачал головой. Это не было ложью: в своей прошлой жизни он видел столько пышных торжеств, что скромные забавы древности его не прельщали.

Сян Тянью сидел совсем рядом. Заметив, как мальчик качает головой, он придвинулся ближе. Жар семнадцатилетнего юноши мгновенно окутал Чи Шэня, заставив его покраснеть.

— Не видел я еще таких детей, которые не любили бы шум и веселье. В деревне ты ни с кем не играешь... Скажи мне, Бао-эр, что же тебе по душе на самом деле?

Чи Шэнь слегка отвернулся, глядя на чайники, плавающие в чашке. Он был здесь уже так долго, но всё еще не имел ни малейшего представления о задании. В душе росло глухое раздражение.

— Мне с ними не о чем говорить, — прошептал он. — И с братом Хэйданем тоже. Мне нравится бывать только здесь, у тебя. Неужели я тебе надоел?

Сян Тянью ласково взлохматил волосы на макушке Чи Шэня, и в его взгляде на миг промелькнула тень.

— Глупый ты... Ради кого, по-твоему, я собрался в этот Чима? Неужто думаешь, я диковинок не

видел? Просто боюсь, что какой-нибудь заносчивый дурак из большого города решит, что раз ты из захолустья, то тебя можно безнаказанно обидеть. Поверь, таких людей на свете слишком много.

В своей прошлой жизни Чи Шэню часто приходилось ловить на себе косые взгляды. Он не заискивал перед людьми, но привык быть осторожным, лишив себя того безрассудства, что присуще детям. Услышав сейчас эти слова, полные искренней заботы, он вдруг почувствовал, как к горлу подступил ком, и лишь обиженно фыркнул, не желая отвечать.

Сян Тянью не рассердился. Красивым людям вообще многое прощается, а глядя на тонкие черты лица Чи Шэня и его чистую кожу, он лишь ощутил прилив нежности.

— Я ведь никогда не рассказывал... Я родился и вырос без матери. Был совсем один. Дети жен и наложниц в поместье считались моими братьями лишь на словах, а на деле — стоваривались, чтобы извести меня. Отец и смотреть в мою сторону не желал. Видя мою беззащитность, они изощрялись в издевательствах, раз за разом. Я знал: рано или поздно меня просто сживут со свету.

Чи Шэнь слушал, и в нем закипал гнев. Пусть его детство в реальности тоже не было сахарным, но там существовал закон. Здесь же царило право сильного.

— У тебя не было матери, ты и так хлебнул горя... — заговорил он, не в силах сдерживать чувства. — Неужели им было мало? Не побоялись они людской молвы, действуя так жестоко?

— У холопов язык говорит лишь то, что угодно хозяину. Пока ты в поместье Сян, над тобой только небо Сян. О молве вспоминают лишь за воротами, но выходить мне не позволяли. В этом и была изощренная жестокость женщин нашего дома.

Сян Тянью говорил спокойно, но, видя негодование Чи Шэня, почувствовал, как на сердце стало теплее. Он слегка ущипнул мальчика за щеку, где еще оставалась детская мягкость.

— С тех пор как я решил бежать из этого волчьего логова и встретил тебя, я начал верить, что доброго в мире всё же больше. Я по натуре человек холодный, но когда вижу тебя, на душе становится светлее. За эти шесть лет мы стали семьей. С этого дня считай меня своим кровным братом. Какие бы беды ни ждали нас впереди, я клянусь: я защищу тебя любой ценой.